

Гордость и предубеждение

Вторая книга в списке «200 лучших книг по версии Би-би-си»!

В семье Беннет пять дочерей и практически никаких перспектив на их удачное замужество. И вот в соседнее имение приезжает богатый холостяк и его друг...

Джейн Остин

Гордость
и предубеждение

A decorative floral wreath border composed of thin, winding lines with small leaves and circular floral motifs, framing the central text.

Джейн Остин

Гордость
и предубеждение

ХАРЬКОВ КЛУБ
2016 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2016

ISBN 978-617-12-0748-6 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Переведено по изданию: Jane Austen. *Pride and Prejudice*. Edited by R.
W. (Robert William) Chapman. Release Date: May 9, 2013 [eBook #42671]

Перевод с английского *Натальи Филимоновой*
Дизайнер обложки *Инна Рудая*

Электронная версия создана по изданию:

Блискучий твір «першої леді» англійської літератури, який назавжди зруйнував упередження про роман як про жанр легковажний і далекий від правди життя, із властивим письменниці тонким та іскристим гумором, увагою до деталей і психологічною правдивістю переносить нас у манірну Британію початку XIX століття, де упередження й гордість ледь не стали перешкодою в коханні юної Елізабет Беннет і шляхетного містера Дарсі. Героям доведеться припуститися безлічі безглузких помилок, розплутати павутиння дурних інтриг і сімейних забобонів, щоб зуміти почути головне — голос серця.

Остин Дж.

076 Гордость и предубеждение : роман / Джейн Остин ; пер. с англ. Н. Филимоновой. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга»», 2016. — 416 с.

ISBN 978-617-12-0494-2 (Украина)

ISBN 978-5-9910-3490-6 (Россия)

Блистательное произведение «первой леди» английской литературы, навсегда разрушившее предубеждение о романе как о жанре легкомысленном и далеком от правды жизни, с присущим писательнице тонким и искрометным юмором, вниманием к деталям и психологической достоверностью переносит нас в чопорную Британию начала XIX века, где предубеждения и гордость едва не стали препятствием в любви юной Элизабет Беннет и

благородного мистера Дарси. Героям придется совершить массу нелепых ошибок, распутать паутину глупых интриг и семейных предрассудков, чтобы суметь услышать главное — голос сердца.

УДК 821.111
ББК 84.4ВЕЛ

- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2016
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2016
- © ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», г. Белгород, 2016

Глава 1

Не вызывает сомнения истина: молодой человек, не стесненный в средствах, должен искать себе жену.

Пусть совершенно неизвестны намерения и взгляды такого человека. Но как только он поселится на новом месте, эта истина прочно завладевает умами живущих в округе семейств. Более того, на него тут же начинают смотреть как на законную добычу той или другой соседской дочки. Так произошло и в этот раз.

Как-то раз миссис Беннет сказала мужу:

— Дорогой мистер Беннет, говорят, что Незерфилд-парк больше не будет пустовать...

Мистер Беннет заметил, что он такого не слышал.

— Но это так и есть на самом деле, — продолжала миссис Беннет. — Миссис Лонг сообщила мне эту новость! Она только что ушла от меня.

Мистер Беннет промолчал.

— Возможно, вы захотите узнать, кто станет нашим новым соседом? — продолжила его жена с нетерпением.

— Если вам хочется мне об этом рассказать, говорите: я слушаю.

Большого миссис Беннет не требовалось.

— Так вот, дорогой мой, — продолжила она. — Миссис Лонг сказала, что Незерфилд снял весьма богатый молодой человек, родом из Северной Англии. В понедельник он приезжал в карете, запряженной четверкой лошадей, осмотрел поместье и остался весьма доволен. Настолько доволен, что сразу же с мистером Моррисом обо всем договорился. Сам он переедет на Михайлов день, а кое-кто из прислуги появится уже в конце будущей недели.

— Как его зовут?

— Бингли.

— Женат? Холост?

— Холост, дорогой, в том-то и дело, что холост! Молодой холостяк с годовым доходом в четыре или пять тысяч! Мне кажется, для наших девочек самый подходящий случай...

— Но какое отношение к нашим девочкам имеет наш новый сосед?

— Дорогой мистер Беннет, — со вздохом ответила его жена, — сегодня вы просто невыносимы. Неужели непонятно, что наш новый сосед может жениться на ком-нибудь из них.

— Вы думаете, он планирует именно это?

— Он? Планирует? Господи, ну вы иногда и придумаете! Но ведь может вполне случиться, что он в одну из них влюбится. Одним словом, как только он приедет, вы должны будете нанести ему визит. Как только приедет!

— Признаюсь, не вижу этому достаточных оснований. Поезжайте-ка вы сами с девочками. Или пошлите их одних — это, возможно, будет еще лучше. А не то он вздумает влюбиться в вас — ведь вы ничуть не менее привлекательны, чем любая из наших дочерей.

— Вы мне льстите, дорогой. Когда-то я и в самом деле была не лишена привлекательности. Но сейчас, увы, все иначе — я не хочу, да и не имею права слыть красавицей. Женщине, у которой пять взрослых дочерей, не престало думать о собственной красоте.

— У женщины с пятью взрослыми дочерьми не часто выпадает время, чтобы задуматься о своей красоте.

— Но, мой друг, вам все же следует навестить мистера Бингли, как только он появится.

— Вероятно, я этим не буду заниматься.

— Вы слишком осторожны. Думаю, мистер Бингли будет рад вам — ведь он переезжает в совершенно незнакомые места и ему нужны доброжелательные соседи. Хотите, я с вами передам ему записочку с обещанием выдать замуж любую из наших дочерей, которая ему больше понравится?

— Полагаю, такого делать не следует — ни одна из моих дочерей ничем особенно не примечательна, — ответил он. — Они столь же глупы и невежественны, как все другие девчонки в этом возрасте.

— Мистер Беннет, как смеете вы так оскорблять ваших собственных детей?! Должно быть, вам доставляет удовольствие меня изводить. Это понятно — ведь вам нет никакого дела до моих истерзанных нервов.

— Дорогая, вы ошибаетесь. Я давно привык с ними считаться. Более того, они мои старые друзья, недаром вы напоминаете мне о них каждый день уже как минимум двадцать лет.

— Ах, как же глубоко я страдаю!..

— Надеюсь, вы все же доживете до того времени, когда в окрестностях появятся женихи с доходом не менее четырех тысяч.

— Даже если их будет целая сотня, что в них толку, раз вы отказываетесь наносить им визиты?

— Ну, если их будет так много, дорогая, то я, конечно, соберусь и одним визитом объеду их всех.

Живость ума и склонность к иронии, замкнутость и взбалмошность весьма затейливо сочетались в характере мистера Беннета — за двадцать три года совместной жизни жена все еще не сумела к этому привыкнуть. Разобраться же в ее натуре было куда проще. Она была женщиной невежественной, не очень сообразительной, к тому же обладающей чрезвычайно переменчивым настроением. Когда миссис Беннет бывала чем-нибудь недовольна, то считала, что у нее не в порядке нервы. Целью ее жизни было замужество дочерей, а единственными ее развлечениями давно уже стали новости и визиты.

Глава 2

Тем не менее мистер Беннет навестил мистера Бингли одним из первых. Говоря по секрету, он и сам планировал нанести ему визит, хотя все время уверял жену, будто ни за что к нему не поедет. И она оставалась в полном неведении до того самого дня, когда мистер Беннет все же отправился к новому соседу. Намерения мистера Беннета прояснились случайно: наблюдая за тем, как его вторая дочь украшает лентами шляпку, он заметил:

— Надеюсь, Лиззи, это понравится мистеру Бингли.

— Мы никогда не узнаем, что нравится и что не нравится мистеру Бингли, — с раздражением проговорила ее мать, — ведь мы не собираемся в Незерфилд.

— Вы запомнили, мама, — кротко заметила Элизабет, — мы встретим его на балу, и там миссис Лонг обещала нас познакомить.

— К сожалению, миссис Лонг этого не сделает. У нее самой две племянницы. Терпеть не могу эту ханжу и эгоистку!

— И я тоже, — сказал мистер Беннет. — Как замечательно, что в столь важном деле вы от нее не зависите.

Миссис Беннет до ответа не снизошла, однако раздражения сдержать не могла и поэтому сорвалась на одной из дочерей:

— Ради бога, Китти, перестань так кашлять! Хоть сейчас пощади мои нервы — они этого не выдержат.

— Китти у нас ни с чем не считается, — сказал отец. — Вечно она кашляет невпопад.

— Но я никого не хотела задеть и кашляла не из удовольствия, — обиделась Китти.

— Когда следующий бал, Лиззи?

— Через две недели.

— Боже, так скоро! — воскликнула мать. — Значит, миссис Лонг вернется только накануне бала! Как же она сможет представить нам соседа, если не успеет до этого с ним встретиться?

— Что ж, дорогая моя, вы сможете оказаться полезной вашей приятельнице. И сами представите ей мистера Бингли.

— Мистер Беннет, это просто невозможно, ведь я и сама не буду с ним знакома. Вы надо мной просто смеетесь!

— Дорогая, осторожность делает вам честь. Конечно, такое недолгое знакомство почти ничего не значит. Какое суждение можно составить о человеке про прошествии всего двух недель? Однако, если мы не познакомим ее с мистером Бингли, это сделает кто-нибудь другой. Я полагаю так: пускай миссис Лонг и ее племянницы тоже попытают счастья. Более того, я готов взять это доброе дело на себя, если оно вам настолько не по душе.

Девушки уставились на отца. Миссис Беннет пробормотала:

— Какой вздор!

— Что означает ваше замечание, сударыня? — спросил он с удивлением. — Вы считаете вздорным обычай, когда вам представляют незнакомого ранее человека? Или вам не нравится то, как это происходит? Боюсь, наши взгляды на установившийся порядок знакомства в свете несколько отличаются. А ты, Мэри, что думаешь об этом? Как ты смотришь на эту традицию? Ты ведь у нас рассудительная девушка, читаешь ученые книги и даже делаешь из них выписки.

Мэри хотела сказать что-то глубокомысленное, но придумать ничего не смогла.

— Пока Мэри собирается с мыслями, — продолжал мистер Беннет, — вернемся к мистеру Бингли.

— Не могу больше слышать о мистере Бингли, — заявила жена.

— Жаль, что вы не сказали мне об этом раньше. Если бы я знал это сегодня утром, то ни в коем случае бы к нему не поехал. Вот досада! Но раз уж я у него побывал, боюсь, избежать знакомства с ним вы уже не сможете.

Мистер Беннет добился своей цели: его многочисленные дамы застыли в крайнем изумлении. Однако сильнее всех была поражена миссис Беннет. Когда же первый порыв радости миновал, она принялась уверять, что именно этого от него и ждала.

— Вы поступили чрезвычайно мудро и великодушно, мой дорогой мистер Беннет! Хотя, признаюсь, я не сомневалась, что в конце концов

добьюсь от вас этого. Я знала: вы настолько любите наших девочек, что не способны оставить их на обочине света. Ах, как я счастлива! И как мило вы над нами подшутили. Подумать только, вы еще утром побывали в Незерфилде и до сих пор даже словом об этом не обмолвились!

— Теперь, Китти, можешь кашлять сколько угодно, — сказал мистер Беннет, выходя из комнаты, чтобы немного остыть от восторженных излияний жены.

— Девочки, какой у вас прекрасный отец! — воскликнула та, когда дверь закрылась. — Право, не представляю, как вы сможете отблагодарить его за такую заботу. Да и меня тоже. Поверьте, в наши годы не просто, да и не очень приятно каждый день заводить новые знакомства. Но ради детей мы готовы на все. Лидия, милочка, хоть ты и моложе всех, мне думается, что мистер Бингли на балу будет танцевать именно с тобой.

— Меня этим не удивишь, — пожала плечами Лидия. — Хоть я и моложе, зато — самая высокая.

Остаток вечера прошел в рассуждениях о том, насколько быстро теперь следует ожидать ответного визита мистера Бингли и как скоро после этого визита его позволительно будет пригласить на обед.

Глава 3

Несмотря на старания женской части семьи Беннет, им не удалось добиться от главы семьи достаточно пространныго и полностью удовлетворяющего любопытство описания мистера Бингли. Они атаковали мистера Беннета самыми разными способами: прямыми вопросами, хитроумными догадками, отдаленными намеками. Но он не поддавался ни на какие уловки. В конце концов им пришлось довольствоваться сведениями из вторых рук, полученными от их соседки, леди Лукас.

Ее сведения были весьма многообещающими. Сэр Уильям был в восторге от мистера Бингли. Он еще очень молод, хорош собой, чрезвычайно любезен и, кто бы мог сомневаться, собирается непременно присутствовать на ближайшем балу, который намерен почтить в целой компании своих друзей.

Лучшего нельзя было и желать. Кто интересуется танцами, тому ничего не стоит влюбиться. Все девицы в округе питали самые радужные надежды на чрезвычайно быстрое и успешное завоевание сердца мистера Бингли.

— Если бы мне довелось увидеть одну из моих дочерей счастливой хозяйкой Незерфилда, — сказала мужу миссис Беннет, — а потом так же удачно выдать замуж остальных, я бы считала, что сбылись все мои мечты.

Через несколько дней мистер Бингли отдал визит мистеру Беннету и просидел десять минут в его библиотеке. Мистер Бингли надеялся взглянуть на молодых леди, о красоте которых он уже был изрядно наслышан, но ему удалось повидать только их отца. Дамы были несколько удачливее его: им посчастливилось увидеть из верхнего окна, что на госте был синий сюртук и что приехал он верхом на вороной лошади.

Вскоре после этого было послано приглашение на обед. Миссис Беннет уже составила меню, делавшее честь ее умению вести хозяйство, но вдруг из Незерфилда пришел ответ, который расстроил

все планы: мистеру Бингли необходимо на следующий день уехать в Лондон. Это, к величайшему сожалению, лишает его возможности воспользоваться оказанным ему вниманием и т. д. и т. п.

Миссис Беннет была весьма разочарована. Она едва ли могла представить, какие дела возникли в городе у нового соседа почти сразу после переезда в Хартфордшир. Она стала опасаться, что он так и будет порхать с места на место и что Незерфилд никогда не станет его постоянным домом. Отчасти ее тревогу рассеяла леди Лукас, предположив, что новый их сосед мог поехать в Лондон за своими друзьями. Именно за теми, с кем собирался появиться на балу. Вскоре стали поговаривать, что на бал вместе с Бингли прибудет двенадцать дам и семь джентльменов. Барышень опечалило число дам, но более поздние сведения их несколько ободрили. Теперь говорили, что вместо двенадцати из Лондона приехали только шестеро: пять его сестер и одна кузина. Когда компания из Незерфилда вошла в бальный зал, стало ясно, что она состоит всего из пяти человек: мистера Бингли, двух его сестер, мужа старшей сестры и еще одного молодого господина.

Мистер Бингли оказался молодым человеком с благородной и приятной наружностью и непринужденными манерами, а обе его сестры — особами изящными и весьма светскими. Но вот его зять, мистер Херст, за дворянина мог сойти с трудом. В то время как друг мистера Бингли, мистер Дарси, сразу привлек внимание всего зала статной фигурой, правильными чертами лица и подлинно аристократической внешностью. Через пять минут после их появления всем уже было известно, что он владеет имением, приносящим десять тысяч фунтов годового дохода.

Джентльмены нашли его достойным представителем мужского пола, дамы сошлись во мнении, что он гораздо привлекательнее мистера Бингли, — одним словом, всю первую половину вечера он вызывал всеобщее восхищение. Однако это продолжалось недолго: его поведение стало вызывать определенные нарекания у местного общества. Между гостями пошел слух, что он слишком горд, что перед всеми задирает нос и что ему трудно угодить. А в этом случае даже его огромное поместье в Дербишире не могло искупить неприятной и, как оказалось, весьма отталкивающей наружности.

Мистер Бингли достаточно быстро перезнакомился почти со всеми присутствовавшими. Он был оживлен и любезен, участвовал в каждом танце, жалел о слишком раннем окончании бала и даже вскользь упомянул, что разумно будет в ближайшее время устроить бал в Незерфилде. Как разительно отличался он от своего друга!

Мистер Дарси танцевал всего раз с миссис Херст и один раз с мисс Бингли, не пожелал, чтобы его представили другим дамам, и весь остальной вечер провел, прохаживаясь по залу и перекидываясь словами с кем-нибудь из своих спутников. Такое поведение вкупе с характером было достойно всеобщего осуждения. Дарси был признан одним из самых заносчивых и неприятных людей, появившихся в местном обществе. Более того, все хором выражали надежду, что он больше не появится в свете.

Из-за недостатка кавалеров Элизабет Беннет была вынуждена целых два танца просидеть у стены. При этом ей невольно пришлось подслушивать разговор между мистером Дарси, который стоял неподалеку, и мистером Бингли. Тот ненадолго покинул танцующих для того, чтобы уговорить своего друга последовать их примеру.

— Пойдемте, Дарси. Я должен заставить вас танцевать, — сказал он, подходя к своему другу. — Не могу смотреть, как вы целый вечер глупейшим образом торчите у стены.

— И не уговаривайте! Вам же отлично известно, что танцы не доставляют мне удовольствия, если я не знаком со своей дамой. Ваши сестры приглашены, а, кроме них, в зале нет ни одной дамы, танец с которой не стал для меня сущим наказанием.

— Клянусь честью, я не так привередлив, как вы! — воскликнул Бингли. — Думаю, я еще ни разу не встречал за один вечер так много хорошеньких дам. Среди них есть просто красавицы!

— Вы танцуете с единственной хорошенькой девицей в этом зале, — заметил мистер Дарси.

— О, это самое очаровательное создание, какое мне когда-нибудь приходилось встречать! Но вон там, за вашей спиной, сидит одна из ее сестер. По-моему, она тоже очень недурна. Хотите, я попрошу мою даму вас познакомить?

— О ком это вы говорите? — Обернувшись, Дарси взглянул на Элизабет, но, заметив, что она на него смотрит, отвел глаза и холодно

сказал: — Что ж, она и в самом деле почти мила. И все же не настолько хороша, чтобы нарушить мой душевный покой. У меня сейчас нет охоты утешать молодых леди, которыми пренебрегли другие кавалеры. Возвращайтесь- ка лучше к своей милашке. Уверяю вас, со мной вы теряете время, которое могли бы провести, наслаждаясь ее улыбками.

Бингли последовал этому совету, а его приятель отошел в другой конец комнаты. Элизабет же осталась на месте, обуреваемая не слишком добрыми чувствами по отношению к Дарси.

Тем не менее семья провела вечер очень приятно. Миссис Беннет была в восторге от внимания, которое обитатели Незерфилда оказали ее старшей дочери. Мистер Бингли танцевал с ней два раза, а его сестры весьма любезно ее принимали. Джейн радовалась этому не меньше матери, хоть и не выражала восторгов так же явно. Элизабет радовалась за Джейн. Мэри слышала, как кто-то в разговоре с мисс Бингли назвал ее самой начитанной девицей во всей округе. Кэтрин и Лидии посчастливилось ни одного танца не остаться без кавалеров. Одним словом, большего от бала нечего было и желать.

Вот почему все вернулись в Лонгборн в превосходнейшем состоянии духа. Когда дамы приехали, мистер Беннет еще не спал. За книгой он не замечал времени — но тотчас же ее отложил: ему было весьма любопытно узнать, как прошел вечер, от которого его домашние ожидали столь многого.

— Дорогой мой мистер Беннет, — входя в комнату, воскликнула его жена, — какой чудесный вечер мы провели! Бал был великолепен! Жаль только, вас не было. Джейн пользовалась необыкновенным успехом. Все только и говорили, какая она красавица. Мистер Бингли назвал ее очаровательной и танцевал с ней два раза. Вы только подумайте, друг мой, — целых два раза! Она была единственной, кого он дважды приглашал. Сначала он танцевал с мисс Лукас. Скажу вам честно, меня покорило, когда я увидела его с ней в паре. Но она ему ничуть не понравилась. Да и кому она может понравиться! Зато когда стала танцевать Джейн, он как будто весь загорелся. Разузнал, кто она такая, попросил, чтобы его ей представили, и тут же пригласил ее на второй танец. В третьем танце его парой была мисс Кинг, в четвертом — Мария Лукас, в пятом — еще раз Джейн, в шестом — Лиззи; буланже он танцевал...

— Будь у него ко мне хоть капля сочувствия, — нетерпеливо перебил ее муж, — он бы танцевал вдвое меньше. Ради бога, не перечисляйте больше его дам. Что ему стоило подвернуть ногу при первом танце?

— Ах, дорогой мой, я от него в восторге! — продолжала миссис Беннет, совершенно не слыша стенаний мистера Беннета. — Он необыкновенно хорош собой! А сестры его — просто очаровательны! Я в жизни не видывала более элегантных нарядов! Думаю, что кружево на платье миссис Херст...

Здесь ее речь была снова прервана, так как мистер Беннет не пожелал выслушивать описание туалетов. Ей пришлось переменить тему, и она с изрядной долей возмущения и негодования поведала о неслыханной дерзости мистера Дарси.

— Могу вас заверить, — заключила она, — Лиззи не много потеряла от того, что пришлось ему не по вкусу! Этому противному человеку и нравиться даже не стоит. Такой важный и надутый, недаром его все невзлюбили. Расхаживает туда-сюда, воображая о себе бог весть что! Недостаточно хороша, чтобы с ним танцевать!.. Хотела бы я, чтобы вы были там и осадили его как следует. Терпеть не могу этого человека!

Глава 4

Джейн и Элизабет остались одни. И только тогда Джейн, до сей поры весьма сдержанно отзывавшаяся о мистере Бингли, призналась сестре, насколько он ей понравился.

— Именно таким должен быть молодой человек, — сказала она, — умным, добрым, веселым. Я еще никогда не видела подобных манер — таких свободных, но достойное воспитание заметно чувствуется!

— К тому же он недурен собой, — добавила Элизабет, — что также говорит в его пользу. Одним словом, его можно считать почти совершенством.

— Я была так польщена, когда он пригласил меня танцевать второй раз! Признаюсь, я этого совершенно не ожидала.

— Не ожидала! Зато я ожидала вместо тебя. Тебя каждый раз знаки внимания застигают врасплох, а вот я всегда им просто рада. Этим мы и отличаемся. Ну что могло быть естественнее, если он разок пригласил тебя танцевать? Наверняка же он заметил, что ты самая красивая девушка в зале. Отчего ж тогда удивляться его галантности? Впрочем, он в самом деле довольно милый молодой человек, я даже рада, что он тебе понравился. Тебе не раз нравился кое-кто много хуже.

— Лиззи!

— Ты сама знаешь, что склонна расхваливать каждого встречного, не замечая в нем ни малейшего изъяна. Все люди кажутся тебе добрыми и красивыми. Ну скажи мне: хоть раз в жизни ты о ком-нибудь плохо отозвалась?

— Я не люблю неосмотрительно осуждать. Но все же всегда говорю то, что думаю.

— Я знаю. Именно это меня больше всего и удивляет. Как ты, с твоим здравым смыслом, способна не замечать глупости и слабостей окружающих? Показное прекраснодушие нынче встречается достаточно часто, чуть ли не на каждом шагу. Но искренне, без всякого притворства или расчета видеть в каждом человеке одни только хорошие качества, к тому же их преувеличивая, и не замечать ничего

плохого — на это способна ты одна. Ты говорила, что тебе понравились и его сестры? Я заметила, что манерами они заметно отличаются от мистера Бингли.

— Разумеется, если судить по первому впечатлению. Но достаточно с ними только разговориться, чтобы почувствовать, какие это славные женщины. Мисс Бингли собирается жить с братом и вести его хозяйство. Думается, я не ошибусь, предсказав, что в ее лице мы приобретем необычайно приятную соседку.

Элизабет выслушала Джейн молча, но в душе с ней не согласилась. Поведение сестер мистера Бингли на балу вовсе не было рассчитано на всеобщее одобрение. Элизабет, более наблюдательная, чем Джейн, и не столь добродушная, не могла ими восторгаться. Мисс Бингли и ее сестра, миссис Херст, и в самом деле были особами изысканными. Они были не лишены остроумия, когда находились в хорошем расположении духа, умели понравиться, если это входило в их намерение, но в то же время вели себя заносчиво и высокомерно.

Обе они казались довольно красивыми, получили образование в одном из лучших частных пансионатов, владели двадцатью тысячами фунтов, расходуя денег больше, чем имели в своем распоряжении, привыкли вращаться в светском обществе, а потому считали себя вправе придерживаться высокого мнения о собственных персоне и низкого — об окружающих. Родились они в старинной семье, ведущей свое происхождение из Северной Англии. Причем это они помнили очень хорошо, а вот иное обстоятельство — то, что своим богатством они были обязаны торговле, — начисто выветрилось у них из памяти.

Отец мистера Бингли оставил сыну около ста тысяч фунтов. При жизни он собирался приобрести имение, но сделать этого не успел. Сам мистер Бингли тоже подумывал об этом и даже как-то ездил для этого в родное графство. Но нынче, обзаведясь хорошим домом с прилегающими охотничьими угодьями, он становился жителем Незерфилда и откладывал основание родового поместья Бингли до следующего поколения. Так считали многие, кто знал его беспечный характер. Сестрам очень хотелось, чтобы он стал землевладельцем. И пусть пока он оставался всего лишь арендатором — мисс Бингли ничуть не отказывалась играть роль хозяйки за его столом. Миссис Херст, которая вышла замуж за человека весьма родовитого, но

небогатого, тоже с удовольствием считала дом брата своим, когда ей это казалось удобным. О Незерфилд-парке Бингли узнал через два года после совершеннолетия благодаря случайной рекомендации. Он обошел дом за полчаса, остался доволен его местоположением, внутренним устройством, порадовался преимуществам имения, о которых его уведомил хозяин, и тут же его арендовал.

Несмотря на различие характеров, Бингли и Дарси связывала очень тесная дружба. Дарси ценил Бингли за его легкую, открытую и податливую натуру. Скажем честно, этих качеств не было и в помине в его собственной натуре, при том что Дарси был чрезвычайно доволен своим характером. Бингли полагался на дружбу Дарси, весьма доверяя его суждениям, более глубоким, чем его собственные. И пусть Бингли вовсе не был недалеким человеком, но Дарси был по-настоящему умен. К тому же он был горд, замкнут и ему было трудно угодить. Манеры его свидетельствовали о хорошем воспитании, но не слишком располагали к себе окружающих. В этом отношении его друг имел перед ним значительное преимущество. Где бы ни показался Бингли, он сразу вызывал к себе дружеские чувства. Дарси же постоянно всех от себя отталкивал.

Отношение к описываемому балу оказалось для каждого из них весьма характерным. Бингли утверждал, что еще не встречал столь милого общества и таких очаровательных женщин; все были к нему добры и внимательны, он не ощущал никакой натянутости и вскоре близко сошелся со всеми, кто находился в зале. А если вспомнить о мисс Беннет, то он не мог себе представить более прелестного ангела. Дарси, напротив, увидел вокруг себя толпу людей довольно безобразных и совершенно безвкусных, к ним он не испытывал ни малейшего интереса и с их стороны не замечал ни внимания, ни расположения. Он признал, что мисс Беннет недурна собой, но утверждал, что она слишком часто улыбается и это ее заметно портит.

Миссис Херст и ее сестра во многом соглашались с такой характеристикой мисс Беннет. Однако Джейн им понравилась, и они заявили, что она премиленькая девочка и им не составит большого труда поддерживать с ней знакомство. Мистеру Бингли было дозволено относиться к ней, как ему заблагорассудится.

Глава 5

Неподалеку от Лонгборна жила семья, с которой Беннеты поддерживали особенно близкие отношения. Сэр Уильямс Лукас ранее занимался торговлей в Меритоне. Здесь он приобрел некоторое состояние, кроме того, обзавелся титулом баронета, который получил, будучи мэром, благодаря специальному обращению к королю. Последнее отличие подействовало на него, пожалуй, слишком сильно. Оно породило в нем неприязнь к прежнему образу жизни и занятиям в небольшом торговом городке. Расставшись с тем и другим, он перебрался со своей семьей в дом, расположенный в одной миле от Меритона, который с той поры стал именоваться «Лукас Лодж». Здесь сэр Уильям, не обремененный никакими делами, с удовольствием предавался размышлениям о собственной значительности.

Удивительно, но полученное звание хоть и возвеличило его в собственных глазах, но все же не сделало его высокомерным. Леди Лукас была женщиной добродушной, в меру недалекой, чтобы стать подходящей соседкой для миссис Беннет. У нее было несколько детей. Старшая дочь, смышленная и начитанная девушка лет двадцати семи, была близкой подругой Элизабет.

Барышни Лукас и барышни Беннет, безусловно, должны были встретиться, чтобы поговорить о бале.

— Для вас, Шарлотта, вечер начался неплохо, — обратилась миссис Беннет к мисс Лукас. — Ведь первый танец мистер Бингли танцевал с вами.

— Да, но он был больше доволен своей дамой во втором танце.

— Вы говорите это, потому что он пригласил Джейн еще раз? Что ж, он и впрямь вел себя так, будто она ему приглянулась. Я даже кое-что слышала по этому поводу — не помню подробностей, — что-то в связи с мистером Робинсоном.

— Полагаю, вы имеете в виду его разговор с мистером Робинсоном, который я случайно подслушала? Мистер Робинсон спросил его, нравится ли ему наше общество, не находит ли он, что в зале

собралось много хорошеньких женщин, и которая из них кажется ему самой красивой. И мистер Бингли сразу же ответил: «О, разумеется, старшая мисс Беннет!»

— Честное слово, сказано довольно решительно. Можно подумать, что... Но вы знаете — все может кончиться ничем.

— Должно быть, я была более удачливой шпионкой, чем ты, Элизабет, — сказала Шарлотта. — Мистер Дарси говорит менее приятные вещи, чем его друг. Бедная Элизабет! Ты, оказывается, всего лишь «как будто мила»!

— Надеюсь, вы не станете вбивать Лиззи в голову, что эти слова должны были ее задеть? Понравиться такому несносному человеку было бы огромным несчастьем. Миссис Лонг сказала вчера, что он просидел неподалеку почти полчаса и за все время даже не раскрыл рта.

— Вы уверены в этом? — спросила Джейн. — Может быть, миссис Лонг позабыла? Я отчетливо видела, как мистер Дарси с ней разговаривал.

— Пустяки! Она его под конец спросила, понравился ли ему Незерфилд. Вот ему и пришлось что-то ответить. По ее словам, Дарси сделал это весьма неохотно.

— Мисс Бингли сказала мне, — заметила Джейн, — что он терпеть не может подолгу беседовать с посторонними. Зато с близкими друзьями он держится необыкновенно приветливо.

— Вот уж не поверю, дорогая. Если бы он умел быть приветливым, он бы поговорил с миссис Лонг. В чем тут дело, мне совершенно ясно: он надменный и чванливый.

— Признаюсь, — сказала мисс Лукас, — гордость мистера Дарси задевает меня не так сильно, как чья-либо другая. У него для гордости достаточно оснований. Приходится ли удивляться, что столь выдающийся молодой человек, знатный и богатый, чрезвычайно высокого мнения о своей особе. Если можно так сказать, он имеет право быть гордецом.

— Все это так, — ответила Элизабет. — Я бы охотно простила ему его надменность, если бы он не ранил мою гордость.

— Гордость, — вмешалась Мэри, всегда отличавшаяся глубиной суждений, — представляется мне весьма распространенным

недостатком. Во всех прочитанных мной книгах говорится, что ею особенно подвержен именно человек. Мало кто среди нас не лелеет в своей душе чувства самодовольства, связанного с какой-то действительной или мнимой чертой характера, которая выделила бы их среди окружающих. Гордость и тщеславие — совершенно разные вещи. Человек может быть гордым, не будучи тщеславным. Гордость, скорее, наше мнение о себе самом, а тщеславие — то мнение, которое мы хотели бы, чтобы окружающие составили о нас.

— Если б я был так же богат, как мистер Дарси, — воскликнул юный Лукас, который приехал в Лонгборн вместе с сестрами, — я бы не стал особенно важничать, а завел бы себе свору борзых да откупоривал каждый день по бутылочке вина!

— Ты бы при этом выпивал гораздо больше вина, чем следует, — возразила миссис Беннет. — И если бы я застала тебя за этим занятием, я бы отобрала у тебя бутылку.

Глава 6

Лонгборнские леди вскоре навестили незерфилдских дам. Визит был должным образом возвращен. Приятные манеры старшей мисс Беннет расположили в ее пользу миссис Херст и мисс Бингли. И хотя миссис Беннет была признана невыносимой, а о младших дочках не стоило и говорить, двум старшим дали понять, что с ними желали бы поддерживать более близкое знакомство. Такое внимание очень обрадовало Джейн. Но Элизабет, все еще чувствовавшая их высокомерное отношение ко всему местному обществу, в том числе, пожалуй, даже к ее сестре, приняла его довольно холодно. Она была уверена, что доброжелательность миссис Херст и мисс Бингли, которую они питали к Джейн, по всей вероятности, является следствием склонности к ней мистера Бингли.

В самом деле, эта склонность бросалась в глаза всякому, кто видел их вместе. Для Элизабет было также очевидно, что увлечение Джейн мистером Бингли, возникшее с самого начала их знакомства, становится все более сильным и что в скором времени она по уши в него влюбится. Элизабет, однако, с удовлетворением замечала, что эта влюбленность не будет заметна посторонним: большую силу чувства Джейн сочетала с удивительным самообладанием и приветливостью. Эти черты характера могли защитить ее от подозрений излишне любопытных знакомых. Она поделилась этим наблюдением со своей подругой мисс Лукас.

— Быть может, это неплохо, — сказала Шарлотта, — настолько владеть собой, чтобы в подобных обстоятельствах не выдавать своих чувств. Однако в этой способности может таиться и определенная опасность. Если женщина скрывает увлечение от своего избранника, она рискует не удержать его рядом с собой. И тогда мысль о том, что мир остался в неведении, станет, увы, весьма слабым утешением. Почти любая привязанность в определенной степени держится на благодарности или тщеславии, и пренебрегать ими вовсе не безопасно. Слегка увлечься все мы готовы совершенно бескорыстно — небольшая

склонность вполне естественна. Но мало находится людей настолько великодушных, чтобы любить без всякого ответа. В девяти случаях из десяти женщине лучше казаться влюбленной сильнее, чем это есть на самом деле. Бингли несомненно нравятся твоя сестра. И тем не менее все может кончиться ничем, если она не будет поощрять его двигаться дальше.

— Думаю, она поощряет его настолько, насколько это допускает ее характер. Неужели он так ненаблюдателен, что не замечает склонности, которая мне кажется очевидной.

— Не забывай, Элиза, что ему характер Джейн известен не так хорошо, как тебе.

— Но если женщина равнодушна к мужчине и не пытается подавить в себе это чувство, должен же он это заметить?

— Возможно, если только он проводит с ней достаточно много времени. Но хоть Бингли и Джейн видятся довольно часто, они никогда не остаются подолгу наедине. А встречаясь в обществе, они, конечно, не могут все время разговаривать только друг с другом. Поэтому Джейн должна использовать как можно лучше каждый час, когда она может привлечь к себе его внимание. Когда сердце его будет завоевано, у нее останется сколько угодно времени для того, чтобы влюбиться самой.

— Неплохой план, — ответила Элизабет, — для тех, кто ищет быстрее и удачного замужества. Если бы я задумала приобрести богатого мужа или вообще какого-нибудь мужа, я бы, наверное, им воспользовалась. Но чувства Джейн совершенно иного рода. Она совершенно чужда расчетов. Поверишь ли, она до сих пор еще не уверена ни в силе своей привязанности, ни в том, насколько эта привязанность разумна. С тех пор как они познакомились, прошло всего две недели. Она протанцевала с ним два танца в Меритоне, затем видела его в течение одного утра в Незерфилде. После того они еще четыре раза вместе обедали в большой компании. Этого недостаточно, чтобы она смогла изучить его характер.

— Недостаточно, если смотреть на все с твоей точки зрения. Если она только обедала с ним, она может судить лишь о его аппетите. Но ты забываешь, что они при этом провели вместе четыре вечера. А четыре вечера могут значить очень многое.

— Да, эти четыре вечера позволили им установить, что они оба любят игру в «двадцать одно» и не любят покер. Но я боюсь, что другие, более важные черты характера, они разглядеть друг в друге не успели.

— Что ж, — сказала Шарлотта, — от всего сердца желаю Джейн успеха. Я думаю, что ее шансы на счастливую жизнь равны, когда бы она ни вышла за него замуж — завтра или спустя целый год. Удача в браке полностью зависит от игры случая. Как бы хорошо ни были известны сторонам обоюдные склонности и как бы хорошо они на первый взгляд между собой ни сочетались, это никак не сказывается на счастье супругов. Со временем между ними возникнет неминуемый разлад, и им выпадут все положенные на их долю огорчения. И не лучше ли в таком случае как можно меньше знать недостатки человека, с которым придется провести жизнь?

— Шарлотта, ты хочешь вызвать меня на спор. Но твои рассуждения — чистейший вздор. И ты сама это понимаешь. Едва ли ты будешь руководствоваться ими в собственной жизни.

Приглядываясь к отношениям между мистером Бингли и Джейн, Элизабет была далека от мысли, что с некоторых пор стала сама предметом пристального наблюдения со стороны его приятеля. Мистер Дарси вначале с трудом допускал, что она недурна собой. Он совершенно равнодушно смотрел на нее на балу. А когда они встретились в следующий раз, он видел в ней одни недостатки.

Но как только он доказал себе и своим друзьям, что в ее лице нет ни одной правильной черты, то вдруг стал замечать, что оно кажется необыкновенно одухотворенным благодаря прекрасному выражению темных глаз. За этим открытием последовали и другие, не менее рискованные. Да, своим придирчивым оком он обнаружил в ее наружности множество отклонений от идеала, но все же был вынужден признать, что она необыкновенно привлекательна. И пусть он утверждал, что поведение Элизабет отличается от принятого в светском обществе, — оно подкупало своей живой непосредственностью.

Элизабет ничего об этом не знала. Для нее мистер Дарси по-прежнему оставался лишь человеком, который всем не по душе и который считает ее не настолько красивой, чтобы с ней танцевать.

У Дарси появилось желание познакомиться с ней поближе, и для того, чтобы найти повод для разговора, он стал прислушиваться к разговорам Элизабет с другими людьми. Конечно, эти попытки тут же были замечены. Произошло это в гостях у сэра Уильяма Лукаса, где в тот день собралось большое общество.

— Зачем мистеру Дарси понадобилось подслушивать мой разговор с полковником Форстером? — спросила она у Шарлотты.

— На этот вопрос может ответить только сам мистер Дарси.

— Если он себе позволит подобное еще раз, я тут же дам ему понять, что замечаю его уловки. У него слишком насмешливый взгляд, и, если я сама не буду с ним достаточно дерзкой, я стану его побаиваться.

Именно в эту минуту мистер Дарси приблизился к ним, не выказывая, однако же, никакого желания вступить в разговор. Мисс Лукас принялась подзадоривать подругу. Вызов подействовал, и Элизабет, обернувшись к нему, спросила:

— Как вы думаете, мистер Дарси, убеждая сейчас полковника Форстера дать бал в Меритоне, я привела достаточно веские доводы?

— Вы говорили с большим жаром. Впрочем, какая леди не воспламенится от подобной темы!..

— О, вы к нам слишком суровы.

— Ну а теперь не попробовывать ли нам убедить и тебя, — сказала мисс Лукас. — Я открываю инструмент, Элиза, и ты знаешь, что за этим должно последовать.

— Странная ты подруга, Шарлотта, всегда заставляешь меня играть и петь перед кем попало. Если бы мне вздумалось прослыть выдающейся артисткой, ты была бы просто незаменима. Но ведь я к этому не стремлюсь. Право же, я лучше не стану утруждать слух тех, кому знакомы по-настоящему хорошие исполнители.

Однако, когда мисс Лукас начала настаивать, она сказала:

— Ну что ж, чему быть — того не миновать! — И, хмуро глядя на мистера Дарси, добавила: — В наших краях помнят еще старое правило: чем сказать, лучше смолчать. Видно, мне уж лучше смириться.

Пела она приятно, хоть и не особенно мастерски. После одной или двух песенок, еще до того как она смогла что-то ответить слушателям, просившим о повторении, ее оттеснила от фортепьяно сестра Мэри —

единственная в семье дурнушка, которая усиленно занималась самоусовершенствованием и всегда была рада себя показать.

У Мэри не было ни таланта, ни вкуса. И хотя тщеславие сделало ее усидчивой, оно в то же время внушило ей такие педантично-самодовольные манеры, которые повредили бы и более мастерскому исполнению. Простое и безыскусное пение Элизабет, хоть и менее совершенное, понравилось публике гораздо больше. Поэтому после затянувшегося концерта Мэри была рада заслужить аплодисменты, играя шотландские и ирландские песенки по просьбе младших сестер, которые вместе с сестрами Лукас и двумя или тремя офицерами затеяли танцы в другом конце комнаты.

Мистер Дарси находился неподалеку от них. Ему не по вкусу было подобное времяпрепровождение — тем более что оно исключало возможность побеседовать. Он был слишком поглощен своими мыслями и потому не заметил подошедшего сэра Уильяма Лукаса, пока тот не обратился к нему:

— Не правда ли, какое это прекрасное развлечение для молодежи, мистер Дарси? В самом деле, может ли быть что-нибудь приятнее танцев? Я нахожу, что танцы — одно из высших достижений цивилизованного общества.

— Совершенно верно, сэр. И в то же время они весьма распространены в обществе, не тронутым цивилизацией. Плясать умеет и любой дикарь.

Сэр Уильям улыбнулся.

— Ваш друг танцует просто превосходно, — продолжал он после некоторой паузы, увидев, что мистер Бингли присоединился к танцующим. — Не сомневаюсь, что и вы, мистер Дарси, могли бы поразить нас своим искусством.

— Вы, вероятно, видели, сэр, как я танцевал в Меритоне.

— Вы угадали, — и получил при этом немалое удовольствие! Вам часто приходится танцевать в Сент-Джеймсе?

— Никогда, сэр.

— Разве вы не находите это подходящим способом выразить свое уважение королевской фамилии?

— Если могу этого избежать, то ни одной фамилии я не выражаю уважения подобным способом.

— Должно быть, у вас собственный дом в столице?

Мистер Дарси кивнул.

— Одно время я тоже подумывал о том, чтобы переселиться в Лондон, — я так люблю хорошее общество! Но, признаться, побаиваюсь, как бы лондонский воздух не оказался вреден для леди Лукас.

Он замолчал, дожидаясь ответа. Его собеседник не был расположен продолжать разговор. В эту минуту к ним приблизилась Элизабет, и сэру Уильяму пришла в голову мысль проявить галантность.

— Как, дорогая мисс Элиза, вы не танцуете? Мистер Дарси, я буду крайне польщен, если по моему совету вы пригласите эту очаровательную юную леди. Не правда ли, вы не сможете отказаться танцевать, когда перед вами находится олицетворение красоты. — И, схватив руку Элизабет, он хотел было уже соединить ее с рукой мистера Дарси, который, несколько растерявшись от неожиданности, был, однако, не прочь этим воспользоваться.

Внезапно Элизабет отпрянула назад и, обращаясь к сэру Уильяму, с неудовольствием воскликнула:

— Уверяю вас, сэр, я совершенно не предполагала принимать участие в танцах. Меня очень огорчает, что вы подумали, будто я подошла к вам, желая найти себе кавалера.

Мистер Дарси серьезно и учтиво стал просить Элизабет оказать ему честь, приняв его приглашение, но тщетно. Она твердо стояла на своем, и делу также не помогла попытка уговорить ее, предпринятая сэром Уильямом.

— Вы превосходно танцуете, мисс Элизабет, и с вашей стороны просто жестоко лишить меня такого приятнейшего зрелища. И хотя этот джентльмен — небольшой любитель танцев, у него, конечно, не может быть возражений против того, чтобы так легко оказать нам столь большую услугу.

— Мистер Дарси — сама любезность! — улыбаясь, сказала Элизабет.

— Разумеется, это так. Но, принимая во внимание его побуждения, дорогая мисс Элиза, этому нельзя удивляться. Кто не был бы счастлив танцевать в паре с такой очаровательной дамой?

Элизабет отошла от них с лукавой усмешкой. Ее отказ не повредил ей в глазах мистера Дарси, и он размышлял о ней вполне

благожелательно, когда к нему обратилась мисс Бингли:

— Хотите, я угадаю, о чем вы задумались?

— Надеюсь, вам это не удастся.

— Вы думаете, как невыносимо будет проводить таким образом много вечеров, один за другим, и к тому же в подобном обществе. И я совершенно с вами согласна. В жизни не испытывала подобной скуки! Лезут из кожи вон, чтобы себя показать! Сколько в этих людях ничтожества и в то же время самодовольства. Чего бы я ни дала, чтобы услышать, как вы о них будете потом рассказывать.

— На этот раз, поверьте, вы не угадали. Я размышлял о гораздо более приятных вещах: скажем, о том, сколько очарования заключается в красивых глазах на лице хорошенькой женщины.

Мисс Бингли уставилась на него, требуя, чтобы он открыл ей, что за леди удостоилась чести навести его на подобные мысли. Ничуть не смутившись, мистер Дарси ответил:

— Мисс Элизабет Беннет.

— Мисс Элизабет Беннет? — повторила мисс Бингли. — Признаюсь, я поражена до глубины души! И она давно пользуется такой благосклонностью? И скоро ли разрешите пожелать вам счастья?

— Именно тот вопрос, которого я от вас ожидал. Как стремительно женское воображение! Оно перелетает от простого одобрения к любви и от любви к браку всего за одну минуту. Я так и знал, что вы мне пожелаете счастья.

— Что ж, если вы говорите серьезно, я буду считать дело решенным. У вас будет очаровательная теща, которая, конечно, поселится с вами в Пемберли.

Мистер Дарси слушал ее с полным безразличием. И поскольку его спокойствие убедило ее, что на самом деле тревожиться не из-за чего, она продолжала изощряться в такого рода остроумии еще достаточно долго.

Глава 7

Почти вся собственность мистера Беннета заключалась в имении, приносящем две тысячи фунтов годового дохода. На беду его дочерей, имение это наследовалось по мужской линии и, так как в семье не было ребенка мужского пола, переходило после смерти мистера Беннета к дальнему родственнику. Средства миссис Беннет, достаточные при ее теперешнем положении, ни в коей мере не могли восполнить возможную утрату имения в будущем. Отец ее был стряпчим в Меритоне, оставив ей всего четыре тысячи фунтов.

Ее сестра вышла замуж за мистера Филиппа — бывшего клерка отца, который унаследовал его контору. Брат миссис Беннет жил в Лондоне и был занят в солидном торговом деле.

Селение Лонгборн находилось всего в одной миле от Меритона — на расстоянии, весьма удобном для девиц Беннет, которые обычно навещали туда три-четыре раза в неделю, чтобы оказать знаки внимания тетушке, хотя, возможно, более даже — расположенной по пути модной лавке. Особенно часто подобные вылазки совершались двумя младшими дочерьми, Кэтрин и Лидией. Наиболее легкомысленные из сестер, они, за неимением лучшего, непременно должны были побывать в Меритоне, чтобы развлечься после завтрака и запастись новостями для болтовни перед сном. И как бы округа ни была бедна происшествиями, у тетушки им всегда удавалось разузнать нечто достойное их внимания. В настоящее время у них не было недостатка в новостях: на зиму в окрестностях Меритона расположился полк милиции, офицеры которого были расквартированы в городке.

Теперь при каждом визите к миссис Филипп выяснялось множество любопытных подробностей. Каждый день приносил новые сведения об именах офицеров и отношениях между ними. Квартиры офицеров недолго оставались неизвестными, и вскоре стали завязываться знакомства с их обитателями. Мистер Филипп навестил каждого из офицеров и тем самым открыл для своих племянниц новый источник

блаженства, несравнимого с прежними радостями жизни. Они не могли разговаривать ни о чем, кроме офицеров. И даже все состояние мистера Бингли, любое упоминание о котором так волновало их мать, не стоило в их глазах ни гроша по сравнению с мундиром прапорщика.

Наслушавшись однажды подобной болтовни, мистер Беннет как бы между прочим заметил:

— Из ваших рассуждений я понял, что вы можете считаться двумя самыми глупыми девчонками в королевстве. Подобная мысль приходила мне в голову и раньше. Но теперь я в этом окончательно убедился.

Кэтрин смутилась и замолчала, но Лидия, не обратив на эти слова внимания, продолжала рассказывать, как она восхищена капитаном Картером и как ей хочется еще раз его увидеть, прежде чем он завтра уедет в Лондон.

— Меня удивляет, дорогой мой, — сказала миссис Беннет, — с каким пренебрежением вы судите о развитии ваших детей. Я бы могла усомниться в достоинствах чьих-либо детей, но только не своих собственных.

— Если мои дети глупы, мне хотелось бы, по крайней мере, не питать в отношении их напрасных надежд.

— К счастью, они необыкновенно умны!

— Надеюсь, мы расходимся с вами только в этом вопросе. Было бы приятнее, если бы наши взгляды полностью совпадали. Но пока, увы, я нахожу, что две наши младшие дочери — препорядочные дуры.

— Дорогой мистер Беннет, нельзя требовать от юных девиц, чтобы они были так же умны, как их отец и мать. В нашем возрасте они, наверное, будут думать об офицерах не больше, чем мы с вами. Я хорошо помню время, когда мне самой очень нравились красные мундиры, — в глубине души, признаюсь, я и теперь к ним неравнодушна. И если бы какой-нибудь обаятельный молодой полковник с шестью тысячами в год попросил руки моей дочери, уверяю вас, я не смогла бы ему отказать. Позавчера вечером у сэра Уильяма мне так понравился полковник Форстер в его парадной форме!

— Ах, мама! — воскликнула Лидия. — Тетя говорит, что полковник Форстер и капитан Картер уже не так часто бывают у мисс Уотсон.

Теперь она их чаще видит в библиотеке Кларка.

Отвѣту миссис Беннет помешало появление посыльного с письмом для ее старшей дочери. Письмо было послано из Незерфилда, и слуга, который его принес, ждал ответа. Глаза миссис Беннет заблестели от радости, и, пока Джейн проглядывала письмо, она забросала дочь нетерпеливыми вопросами:

— Ах, Джейн, от кого оно? Что там такое? Что он тебе написал? Скорее, скорее, Джейн! Говори же, милочка!

— Оно от мисс Бингли, — сказала Джейн и прочитала вслух:

Моя дорогая,

если Вы не согласитесь из жалости к нам пообедать сегодня вместе со мной и Луизой, мы можем возненавидеть друг друга на веки веков. Вы же знаете, что пребывание двух женщин tête-à-tête в течение целого дня никогда не обходится без ссоры. Приезжайте как можно скорее. Мой брат и его друзья обедают с офицерами.

*Вечно Ваша
Кэролайн Бингли*

— С офицерами! — воскликнула Лидия. — Как же тетя об этом ничего не сказала?

— Обедают в другом месте? — сказала миссис Беннет. — Какая досада!

— Могу я воспользоваться коляской? — спросила Джейн.

— Нет, дорогая, поезжай лучше верхом. Собирается дождь, и тебе там придется переночевать.

— Неплохо придумано! — сказала Элизабет. — Если только вы уверены, что ее не отвезут домой сами хозяева.

— Но ведь карета мистера Бингли будет с мужчинами в Меритоне. А у Херстов вовсе нет лошадей.

— Мне все же хотелось бы поехать в коляске.

— Милочка, я уверена, что папа не сможет дать лошадей. Они нужны для работы на ферме, не правда ли, мистер Беннет?

— Лошади нужны для работы на ферме гораздо чаще, чем их удастся для этого получить!

— Если вы используете их там сегодня, мама будет довольна, — сказала Элизабет.

После долгих препирательств все же выяснилось, что лошади сегодня заняты. Джейн должна была поэтому ехать верхом. Мать проводила ее до ворот, с довольным видом предсказывая ухудшение погоды. Надежды ее вполне оправдались: не успела Джейн выехать, как начался проливной дождь, который заставил беспокоиться ее сестер и чрезвычайно обрадовал мать. Дождь продолжался весь вечер без перерыва, так что о возвращении Джейн не могло быть и речи.

— Как хорошо я придумала! — не раз восклицала миссис Беннет, как будто она не только предсказала, но сама и вызвала ухудшение погоды. Однако только на следующее утро она смогла полностью оценить великолепие своего замысла.

Завтрак подходил к концу, когда из Незерфилда прибыл слуга со следующей запиской, адресованной Элизабет:

*Дорогая Лиззи,
сегодня утром я очень плохо себя почувствовала — должно быть, оттого, что вчера основательно промокла. Наши добрые друзья и слышать не хотят о моем возвращении, пока я слегка не поправлюсь. Они настаивают также на том, чтобы меня осмотрел мистер Джонс, поэтому не тревожьтесь, если услышите, что он меня навестил. У меня всего только головная боль и небольшое воспаление в горле.*

Твоя и т. д.

— Что ж, моя дорогая, — обратился к жене мистер Беннет, когда Элизабет прочла записку вслух, — если ваша дочь серьезно заболеет и, быть может, умрет, каким утешением будет сознавать, что произошло это в погоне за мистером Бингли, осуществленной по вашим указаниям.

— Я не опасюсь за ее жизнь. От простуды не умирают! За ней будут хорошо ухаживать, и, пока она там, ничего плохого с ней не случится. Если бы можно было взять экипаж, я бы ее навестила.

По-настоящему встревоженная Элизабет решила проведать сестру. И так как экипажа не было, а ездить верхом она не умела, ей не

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ